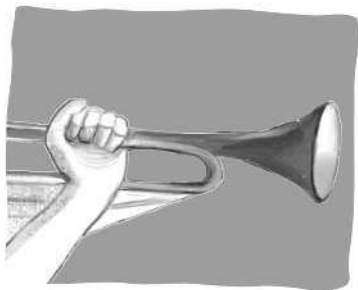

АЛЕКСАНДР ГУТИН

Я НЕ УМЕЮ
ПЛАКАТЬ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г97

Серия «ОДОБРЕНО РУНЕТОМ»

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Гутин, Александр Ильич

Г97 Я не умею плакать / Александр Гутин.— Москва: Издательство АСТ, 2019.— 414 с.— (ОДОБРЕНО РУНЕТОМ).

ISBN 978-5-17-112045-0

О советском времени, о людях, о еврейских городках, о войне, даже о том, что чувствует стекло от бутылки... Истории Гутина разные, но их объединяют проникновенность и яркость. Это смешно, это страшно, это вызывает желание прочитать еще.

Александр Гутин — известный российский поэт, публицист, писатель, сценарист и актер. Его творческие вечера собирают аншлаги в Израиле и в США, в Москве, Санкт-Петербурге, Самаре, Минске, Одессе, Алма-Ате и других городах. Аудитория на Фейсбук превышает 45 000 подписчиков.

© А. Гутин, текст, 2019

© Е. Эллер, иллюстрация, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть 1

Городок

НЕРВЫ

Лева трепал нервы своей маме. Это ж невозможно так жить и спокойно умереть! Это ж кому рассказать, так надо молчать и делать вид, что такое не с вами!

Мама Левы, Блюма Исааковна, женщина почтенных лет и безупречной репутации, которую не может подмочить даже Зина Хаскина, чтоб у нее кадухес вылез на всю голову с ее длинным языком! Это же надо было дожить до таких лет, чтобы собственный родной сын, которого Блюма Исааковна всю жизнь любила больше жизни, который по утрам кушал такие оладушки, что боже ж мой!

Когда Лева устроился в ателье «Силуэт» на улице Октябрьская, Блюма Исааковна очень обрадовалась. Мальчик закончил техникум, и ему надо было где-то работать. Ну, так Лева и работал. Сначала закройщиком, а потом стал так шить брюки, что весь город ничего не хотел слышать, кроме как заказать их прямо у Левы.

Директор ателье Шиманович выписал ему премию, на которую мальчик купил маме брошь с профилем античной богини.

Блюма Исааковна заплакала от счастья. Ей никто никогда не дарил брошь, тем более с античной богиней. Когда-то муж Блюмы Исааковны, который Левин папа, пусть будет благословенна его память, подарил ей кольцо из серебра, с которым они женились, потому что жениться без кольца было бы стыдно перед людьми.

А потом муж Блюмы Исааковны, который Левин папа, взял и умер от прободной язвы, оставив безутешную вдову и маленького Леву, который тогда ничего не понимал, а лежал в кроватке, пускал пузыри и учился пукать.

А потом Лева вырос, закончил техникум, поступил на работу в ателье «Силуэт» на улице Октябрьская, стал мастером по пошиву брюк, получил премию и купил маме брошь с античной богиней! Это же вундеркинд, а не ребенок!

И все было бы хорошо, но Лева стал трепать нервы своей маме.

— Лева, ты хочешь, чтобы я умерла и больше не жила, тебе больше не нужна такая мама, ты шмекеле, Лева! Потому что только шмекеле может делать маме нервы, чтобы мама болела и пила импортные лекарства от сердца!

— Ай, мама, я думаю, что вы преувеличиваете! Что плохого в том, что я беру немножко заказов на дому, и от этого у вас на столе всегда есть курочка и даже свежая рыба? Сегодня все хотят хорошо одеваться! Так что ужасного в том, что я помогаю людям красиво выглядеть?

— Лева, ты треплешь мне нервы, Лева! Послушай свою старую маму, потому что я уже немножко пожила жизнь, чтобы знать, что говорить! В этой стране, Лева, помогать людям красиво выглядеть можно только на работе в ате-

лье «Силуэт». И если ты будешь помогать им хорошо выглядеть на дому за рубли, не учтенные в кассе, то ты рано или поздно начнешь очень плохо выглядеть! Ты будешь так плохо выглядеть, что сам не знаешь как! В кутузке, Лева, люди выглядят не так, как хотят, а так, как могут. А еще там плохо кормят, а у тебя гастрит, Лева! Ты понимаешь, что если за тобой придут, то я умру и больше не оживу никогда?

— Мама, но почему вы думаете, что за мной обязательно придут? Возьмите Юдика Элькина! Так кто не знает, что он делает фотографии для свадеб совсем не просто так и без кассового чека? У вас, мама, просто устаревший взгляд на вещи! На вещи надо смотреть по-новому.

— У Юдика Элькина зять работает в прокуратуре, Лева! А когда у тебя зять работает в прокуратуре, то ты можешь фотографировать хоть самого Леонида Ильича вместе с его орденами, и тебе ничего не будет, кроме почетной грамоты! И запомни, айдеше поц, новые вещи — это такие же старые вещи, только по другой статье Уголовного кодекса, и не факт, что эта новая статья будет лучше старой!

Одним словом, Лева трепал нервы своей маме. Каждый вечер Блюма Исааковна ложилась спать, напившись корвалолоа, и долго слушала, как в комнате сына строчила швейная машинка.

А потом к Леве пришли. На пороге стоял милицейский капитан и строго смотрел на Блюму Исааковну:

— Шуйт Лев Соломонович здесь проживает?

— Кто? — спросила Блюма Исааковна, и во рту у нее мгновенно пересохло.

— Шуйт Лев Соломонович,— повторил милиционер.

— А что такое? — Блюме Исааковне потемнело в глазах.

— Дама, а вам, собственно, какое дело? Мне нужен Лев Соломонович Шуйт, прошу меня проводить.

Блюма Исааковна медленно опустилась на табурет.

— Товарищ милицейский работник! Я вас умоляю, не надо куда забирать моего мальчика! Он ни в чем не виноват! Я знала, я знала, что так будет! Он больше так не будет! Я вам, как родному, обещаю! Я эту швейную машинку расквецаю и выброшу в окно, чтоб она сторела, чтоб ее холера забрала!

— Вы, женщина, я так понимаю, его родственница? — выслушав Блюму Исааковну, спокойно спросил милиционер.

— Родственница, я его родственница, я его родственница по материнской линии, товарищ милиционер! Я его непосредственно мама, которая растила этого шлимазла, и радовалась этой броши с античной богиней, которую он мне подарил на выделенную государством премию, пока он не стал шить людям в неурочное время и в домашних условиях! Я сдам эту паршивую брошь в фонд мира, только, умоляю вас, товарищ самый главный милиционер, не забирайте моего сыночку!

— Так, мамаша, успокойтесь,— перебил капитан.— Во-первых, не нужна мне никакая брошь! А во-вторых, никто вашего сыночку куда забирать не собирается! Я пришел по поводу брюк. Лев Соломонович ведь шьет брюки? Мне его очень рекомендовали солидные люди, а у меня на следующей неделе свадьба. Понимаю, что времени немного осталось, но за срочность я заплачу, вы не

беспокойтесь! И потом, какой же я главный милиционер? Спасибо, конечно, но не такой уж я и главный, знаете ли, и поглавнее есть.

Лева трепал нервы своей маме. Это же невозможно так жить и спокойно умереть! Он сшил брюки милиционерскому капитану и даже не взял денег за срочность. Капитан женился и, говорят, в новых брюках выглядел лучше, чем английский лорд на приеме у королевы.

А Лева продолжает трепать нервы своей маме Блюме Исааковне, которая уже ничего ему и не говорит, только укоризненно качает головой и тяжело вздыхает, когда к Леве приходит очередной клиент, чтобы сшить самые красивые брюки у лучшего брючного мастера в городе. А что поделывать? Люди всегда хотят выглядеть красиво, и никто им в этом не помешает, даже Блюма Исааковна, мама, которой сын продолжает трепать нервы.

ДЯДЯ ЭМИК

Дядя Эмик считался позором семьи. В то время, когда мой папа, его двоюродный брат, старался выполнить пятилетку в три года, когда вся наша страна семимильными шагами шла к победе коммунизма, дядя Эмик имел наглость демонстративно хорошо жить.

Он разъезжал по городу на новенькой «Волге» цвета «белая ночь», носил импортные джинсы и курил сигареты «Мальборо».

Когда-то дядя Эмик отсидел несколько лет за то, что купил доллары. Или продал. Я точно не знаю, я был

маленький. С тех пор его стеснялись, как асоциального элемента, да еще и смеющего жить роскошнее, чем положено советскому гражданину.

О нем в нашей семье практически не говорили. А если и говорили, то вполголоса и с таким видом, как будто рассказывают о какой-то нехорошей, но неизбежной болезни.

Тем ни менее периодически кто-то из родственников к нему обращался.

Он приходил к дяде Эмику под покровом ночи так, чтоб никто не видел. Но все об этом все равно знали, но делали вид, что забыли.

— Эмик, ты же знаешь моего Мишу? Мальчик поступает в медицинский и очень волнуется.

— Миша поступит в медицинский, передайте ему, чтоб не волновался,— улыбался дядя Эмик в тонкие пижонские усики.

— Эмик, Фирочка родила второго ребенка, а очередь на квартиру только в следующем году...

— Ой, я вас умоляю, передайте Фирочке мои поздравления, и что очередь на ее квартиру уже в июле...

— Эмик, ты же был у меня дома, ты видел этот сервант! Это же стыдно кому показать! Говорят, в мебельном есть румынские стенки...

— В мебельном есть не только румынские стенки, но и югославские диваны, завтра приезжайте к директору и скажите, что вы от меня...

Дядя Эмик никому из родственников никогда не отказывал. Его даже забавлял тот факт, что те, кто стеснялись его днем, приходили к нему поздно вечером с просьбами.

Единственным, кто никогда не обращался к дяде Эмику, был мой отец.

— Да я скорее умру от стыда, чем пойду к этому проходимцу! Вы только посмотрите, «Волга» у него! Джинсы! Говорят, он каждую субботу ходит в ресторан! Откуда у него это все? Нет, вы задайте вопрос, откуда у него это все?! Мало он в тюрьме сидел, ох мало! Проходимец и пройдоха!

Мама кивала в ответ и, тяжело вздыхая, шла на кухню чистить картошку.

Однажды она намекнула папе на то, что была бы не против новых импортных сапог, которые привезли в универмаг, но уже через пять минут к прилавку стояла такая очередь, что купить их законным путем не представлялось возможным, но вот, если бы Эмик, он же наверняка может..

— Что?! — папа взвился в воздух от негодования. — Что ты сказала? Эмик?! И это ты, моя законная жена? Ты мне говоришь, чтобы я пошел к жулику просить для тебя сапоги?!! Ты страшный человек, Клара! Боже мой! Боже мой! Я столько лет живу с тобой! Как ты можешь меня просить о таком?!

Одним словом, мой папа оставался непреклонным по отношению к дяде Эмику. И вот однажды папа заболел. Заболел он не очень хорошей болезнью. Врач Шулькин долго качал головой, рассматривая его рентген и результаты анализов, а потом написал что-то на бумажке и, протянув папе, сказал:

— Вот, Лев Борисович, хорошо бы вам достать это. Ситуация не очень хорошая, буду откровенен. Есть, конечно, и другие лекарства, но увы... Если мы хотим с вами разго-

варивать об излечении, а не оттягивании... хм... неизбежного, то я бы порекомендовал вам достать это лекарство.

— Что значит достать?! — спросил бледный как мел папа.

— То и значит. Лекарство импортное. Немецкое. Но не наше немецкое, а их немецкое...

— Что значит «наше»? Что значит «их»? — папа побледнел еще больше.

— Это значит, что лекарство производства ФРГ. Не ГДР.

— И где же я его найду?

— Я не знаю. В нашей советской аптеке его точно нет. Но может, кто-то сможет.. подумайте.

Дома впервые за много времени мама опять заговорила про дядю Эмика. Папа опять кричал о том, что он никогда не пойдет с поклоном к бывшему валютчику, и что лучше умрет от страшной болезни, чем примет из рук афериста хоть что-нибудь.

Вечером, когда папа, нанервничавшись за день, уснул, мама надела пальто, свои старые сапоги и вышла из дома.

А на следующий день нам позвонил доктор Шулькин:

— Лев Борисович, вам несказанно повезло! Надо же! Только мы с вами пообщались, и вот, пожалуйста. В нашу поликлинику по льготам выделили некоторое количество того самого лекарства, о котором я вам говорил.

— Что значит по льготам? — папа недоверчиво вслушивался в телефонную трубку.

— Это значит, что по льготам от Минздрава. И вот, можете приехать и забрать. Бесплатно! Как передовик и ветеран труда.

Папа стоял перед зеркалом, завязывал галстук и сиял:

— Видишь, Клара! Уважают! Думает страна о тех, кто верой и правдой! А? Каково?! Из самого Минздрава по льготам прислали! А ты говоришь: Эмик! Не для того мы строим коммунизм, чтобы ждать помощи от всякого рода жуликов! Наша партия и без них думает о простых тружениках! И чтоб при мне ты про этого Эмика даже не заикалась!

— Хорошо, хорошо,— сказала мама из кухни.— Кстати, я тебе не сказала? Вчера чисто случайно все-таки сумела купить себе сапоги! Прямо повезло. Четвертой в очереди была! Удивительное везение.

Через месяц папа пошел на поправку, а мама не могла нарадоваться его чудесному выздоровлению и своим новым сапогам.

Наступил май, до каникул оставалось совсем ничего. Я шел со школы, за моей спиной висел ранец, в руках болталась сумка со сменной обувью.

— Здравствуй, мой юный родственник! — неожиданно услышал я знакомый голос.

У обочины притормозила «Волга» дяди Эмика, а сам он выглядывал в раскрытое окно, дымя сигаретой. Наверное, «Мальборо».

— Здравствуйте, дядя Эмик! — поприветствовал его я. В отличие от папы, я не испытывал к нему неприязни, скорее даже наоборот.

— Как здоровье папы?

— Все в порядке, уже лучше!

— Ну и хорошо. Лови! — дядя Эмик что-то бросил мне. Я поймал. Это была жвачка. Настоящая жвачка.

— Жуй, не кашляй! — подмигнул мне дядя Эмик.—
Маме привет! Передай ей, что на следующей неделе будут чешские туфли, которые совершенно случайно можно приобрести в универмаге. Только так, чтоб папа не слышал, не отвлекая его от строительства светлого будущего...

— Хорошо. Спасибо, дядя Эмик.

Дядя Эмик улыбнулся и уехал.

КРАКОВСКАЯ КОЛБАСА

Гриша Перцман очень боялся Уголовного кодекса. Ложась в супружескую постель, он несколько минут смотрел в потолок, а потом обреченно говорил:

— Элла, я все решил.

— И что ты решил? — зевая, спрашивала жена Гриши Элла Самуиловна.

— Я все решил, Элла,— еще более обреченно говорил Гриша и тяжело вздыхал.

— Ну, решил так решил,— отвечала Элла Самуиловна.

— Ты жестокая женщина, Элла, тебе что, неинтересно, что я решил?

— Мне очень интересно, что ты решил, Гриша. Мне так интересно, что я даже знаю, что именно ты решил! Ты опять увольняешься с работы, Гриша.

— Да! Да, я увольняюсь! Но как я могу работать на текстильном складе, Элла? Ты что, хочешь, чтобы однажды я украл отрез шерсти первого сорта и меня посадили в тюрьму?! Я твой муж, Элла! Ты хочешь, чтобы я сидел?!

— Но почему ты должен обязательно украсть эту шерсть первого сорта, Гриша? Ты ведь спокойно можешь ничего не красть, тем более тебя об этом никто не просит!

— Но ведь там все крадут! Даже начальник склада Шефтелевич! Особенно начальник склада Шефтелевич! Ты понимаешь, что я не смогу долго оставаться в стороне? Ты жестокая женщина, Элла!

— Но почему ты думаешь, что тебя обязательно посадят? Вашего Шефтелевича никто не садит и не собирается, так почему кто-то должен садить тебя?

— Потому что меня посадят. Шефтелевича не посадят, а меня обязательно! Вспомни, в прошлом году в Гаграх единственный человек, кто едва не утонул в радоновых ваннах, это был я. А электрофорез? Ты слышала, чтобы когда-нибудь кого-нибудь ударило током на электрофорезе? Ты никогда, Элла, не слышала, чтобы кого-нибудь ударило током на электрофорезе! А меня ударило! Ударило, Элла!

— Ай, делай, что хочешь, только дай мне поспать! — отвечала Элла Самуиловна и отворачивалась к стенке.

А Гриша Перцман еще долго не мог уснуть, тревожно глядявываясь в потолок над кроватью.

Наутро Гриша уволился со склада и поступил в диспетчеры трамвайного депо. Но и оттуда он уволился довольно быстро, в страхе, что украдет какую-нибудь трамвайную деталь, и его обязательно поймают на проходной.

Потом он работал в клубе фабрики имени товарища Орджоникидзе, но и там не смог укрепиться, боясь попасться на краже баяна или скипидара, которым натирали клубный паркет.

Потом он работал на картонной фабрике, в продовольственном тресте, управлении службы быта, но нигде не оставался более месяца, боясь Уголовного кодекса.

И вот, когда он поступил на колбасный завод, то в первый же день не выдержал.

Домой он пришел белый, как стена, в предобморочном состоянии. Зайдя в квартиру, Гриша Перцман закрыл дверь на два замка и накинул цепочку, потом тяжело опустился на табурет и попросил у жены пить:

— Элла, все! Элла, это все!

— Что случилось, Гриша! Ты опять боишься что-то украсть? Так ты вчера уже боялся! И позавчера тоже боялся! Но не переживай, ты так ничего и не украл. У всех мужья люди как люди, а у меня шлемазл и больной на голову человек!

— Элла, ты бессердечный человек! Это все, Элла! Я украл колбасу! — выпалил он и залпом выпил целый стакан воды.

— Что значит — ты украл колбасу? — недоумевала Элла Самуиловна.

— Это то и значит! Это то и значит, Элла! Я не смог! Я украл государственную колбасу, и за мной скоро придут! — с этими словами Гриша Перцман вынул из внутреннего кармана половину кольца краковской.

— Гриша, может я ничего не понимаю в кражах, но если ты уж встал на этот скользкий путь бандитизма, то почему только половина? — продолжала удивляться жена.

— Не говори этих слов! Я не бандит! Я просто не стерпел! Там все берут колбасу, и я не стерпел! Ты понятия не имеешь, через что я прошел! Я прошел через проходную

с охраной! Охраной, Элла! Меня могли арестовать и даже расстрелять! А половину потому, что я пытался скрыть улики и съесть эту проклятую колбасу!

— Гриша, тебя никто не расстреляет,— спокойно сказала Элла Самуиловна.— Если ты когда-нибудь и умрешь, то от инфаркта, который получишь, думая, что ты кому-то нужен. Поц! Ты даже доешь эти улики не смог! Ты понимаешь, что если тебя и арестуют, то все милиционеры умрут от смеха, когда будут тебя допрашивать! Ты понимаешь, что таких, как ты, в тюрьму никогда не садят, потому что люди специально будут убивать, грабить и уклоняться от службы в Советской армии, чтобы сесть с тобой в одной камере и всегда иметь хорошее настроение, наблюдая за тобой и аплодируя, как акробату в цирке?

— Элла, ты жестокий человек, Элла! Что мне делать? Что мне делать, Элла? Я больше не могу уничтожать эти улики, у меня полный живот этой колбасы!

— Дай сюда, шмок! — Элла Самуиловна выхватила остатки краковской из рук Гриши Перцмана и крикнула в коридор коммуналки:

— Зина! Зина, иди сюда! Тут Гриша купил краковскую, но мы больше не хотим! У нас от ней несварение желудка! У нас от ней колики и понос! Зина, так ты берешь колбасу, или мне выбросить?

— Как это выбросить? — в дверь заглянула соседка Зина Хаскина.— Кто же выбрасывает новую колбасу? Я не знаю, есть ли у вас родственник, который Ротшильд, но вы таки зажрались! Выкинуть колбасу! Да как у вас рот за такое повернуться может, чтоб сказать!

Зина Хаскина забрала колбасу и вышла.